

Проблемы развития военного дела в русском государстве XVII столетия

О. А. Курбатов

Российский государственный архив древних актов
119435, ул. Большая Пироговская, д. 17, г. Москва, Россия
E-mail: rgada@mail.ru

Аннотация. В данном материале в соответствии с цивилизационным подходом представлены ключевые проблемы, с которыми столкнулось российское общество и государство в XVII столетии, и изменения в системе военного дела, которые стали ответом на исторические «вызовы». Автор выделяет специфику создания массовой армии и источников ее комплектования, одновременно вписывая исторические реалии России в общеевропейский процесс «военной» революции Раннего Нового времени.

Ключевые слова: раннее Новое время, военное дело, Смута, массовая армия, полки «нового строя»

Copyright: © 2021 Курбатов О.А. Данный материал публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа “Tractus aevorum” на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на её автора и оригинальную публикацию.

The Problems of the Development of Military Science in the Russian State in the Seventeenth Century

O. A. Kurbatov

Russian State Archive of Ancient Documents
Bolshaia Pirogovskaia st. 17, Moscow, 119435, Russia
E-mail: rgada@mail.ru

Abstract. The author, in the framework of the civilizational approach, presents the overview of key problems that the Russian society and the state encountered in the seventeenth century,

together with the changes in the military science that became a response to historical challenges. The author characterizes the peculiarities of the creation of a grass roots army and the sources of its formation, also highlighting the Russian case as part of European process of early modern 'military revolution'.

Keywords: early modern period, the Time of Troubles, grass roots army, regiments of 'new formation'

Столкновения России с агрессивными западными соседями, которые произошли на исходе Ливонской войны и повторились в эпоху Смуты, стали новым жизненно значимым вызовом для всей государственной системы. Выявились недостатки военной организации, которые в ближайшем будущем могли привести к новым поражениям. Таким образом, можно рассматривать все проблемы развития русского военного дела в семнадцатом столетии как ответ на те вызовы, с которыми столкнулась страна в первую очередь на западном направлении.

В конце XVI века Борис Годунов не менял существенно структуры вооруженных сил и характера вооружений, сосредоточившись на устройстве опорных укрепленных пунктов, как в центре, так и на важнейших окраинах страны. Новые крепости, которые возникали едва ли не ежегодно, не только контролировали территории, но и служили удобными плацдармами для наступательных действий в качестве баз снабжения войск и места их сбора. Они обеспечивались мощными гарнизонами «с вогненным боем» и передовыми для своего времени артиллерийскими системами; в земледельческих районах следующим этапом становилось создание служилого «города» из помещиков вновь образованных уездов. В целом, это был хорошо продуманный, порой даже не лишенный дерзости, план военного строительства по всему периметру границ – в южных степях, в Поволжье, Прикаспии, Сибири и на западных, «литовской» и «немецкой» «украинах».

Гражданская война в России и последовавшая за ней военная интервенция (1604 – 1618 гг.) вызвали не только государственный кризис, но и кризис военного устройства. В области стратегии оказалась обрушена вся система обороны важнейших границ: со Швецией, Речью Посполитой и Крымским ханством. Плачевное состояние хозяйственной инфраструктуры не позволяло создать на пустом месте новые оборонительные линии, в первую очередь, на смоленском направлении; было очевидно, что рациональнее вернуть Смоленск военным путем – иначе ворота на Москву и далее вглубь

центральной России для польской армии останутся навсегда открытыми.

В свою очередь, необходимость новой войны с Речью Посполитой выдвинула на первый план проблему создания массовой армии, которая собиралась на время боевых действий и могла быть решительно сокращена после войны. Прежний порядок сбора походного войска за счет постоянных гарнизонов десятков тыловых крепостей уже не обеспечивал необходимого количества хорошо подготовленной пехоты, – которая стала доминировать на поле боя к началу XVII века. Увеличивать же пехотный контингент на постоянной основе не позволяла ограниченность финансов страны.

«Деньги – кровь войны», и для России, несмотря на поместный характер значительной части ее войска, это было вполне актуально. Выход из финансового кризиса Смутного времени был найден в постоянных сборах чрезвычайных налогов – сначала на содержание наемного корпуса Делагарди, затем для земской рати кн. Д. М. Пожарского, а после 1613 г. – для регулярных выплат ратным людям царской армии. Земские соборы, трезво оценивая международную и военную обстановку, санкционировали сборы «запросных денег» в 1614 – 1618 гг., затем накануне Смоленской войны и накануне Русско-польской войны 1654 – 1667 гг. Удачным финансовым маневром представляется введение «медных» и других военных денег в 1655 г. В историографии обычно фокусируются на негативных последствиях «медной» реформы в начале 1660-х гг., однако нельзя забывать, что в течение важнейших кампаний русско-польской и русско-шведской (1656 – 1658 гг.) войн вся 80-тысячная царская армия западного ТВД содержалась за счет данной монетной спекуляции, без увеличения прямого налогового бремени на хозяйство страны. Вообще, по сравнению с важнейшими противниками Россия вышла из конфликтов 1650-х – 1660-х гг. с меньшим ущербом для своей экономики, что в полной мере проявилось уже при столкновении с войсками Османской империи в последней трети XVII в. Активизация военно-стратегических замыслов в самом конце столетия – в первую очередь, строительство Азовского флота и всей его инфраструктуры – также была обеспечена чрезвычайными денежными сборами. Впрочем, в условиях укрепления самодержавной власти Петр Алексеевич обошелся уже без поддержки Земских соборов.

Для массовой армии в качестве главной модели были выбраны воинские отряды западноевропейского типа, хорошо проявившие себя в эпоху Смуты. В историографии их принято называть полками «нового строя». Формирование этих полков поставило перед правительством целый спектр новых задач: наём и подготовка кадров начальных людей и урядников, их содержание и учёт в мирное время, выработка строевых уставов и правовой основы функционирования новых частей (артикулов и наказов), приобретение, изготовление и

ремонт снаряжения, централизованное снабжение боеприпасами нового типа и т. п. Огромную проблему представлял собой даже поиск складских помещений для имущества распущенных полков, от мушкетов и пороха до зимних «шубных кафтанов», а также охрана, учёт и перемещение этих запасов. Отдельная задача – централизованное снабжение полков драгунского строя конским составом, содержание и уход (в том числе ветеринарный) за «государевыми лошадьми» между кампаниями (1630-е и 1640-е гг.). Есть основания полагать, что и практика регулярного наряда разного рода «харчевников» в воеводские полки была введена по образцу маркитантской службы европейских армий.

Во многом именно наличие запасов западного армейского снаряжения позволило правительству обратиться к опыту европейских государств по созданию «милиции» для постоянной обороны пограничных областей. После успешных опытов с наемными полками драгун и отрядом в Туле появился даже проект устройства всех ратных людей вдоль новой (будущей Белгородской) оборонительной черты в драгунскую службу, для борьбы с набегами крымских татар (1646 г.). Он имел полный успех только в районах крупных крестьянских волостей (Комарицкой, Добренской и Сокольской), завершившись там созданием полков поселенных драгун. В 1649 г. не менее успешным стал перевод в солдатский строй черносозных крестьян Заонежских и Лопских погостов (Карелия), что обеспечило охрану протяженных финских границ со Шведским королевством. Активное применение их в «дальних» походах 1650-х – 1670-х гг. привело к разорению крестьянских хозяйств, в связи с чем проект милиционных полков был постепенно завершен: в 1666 г. в Заонежье и в 1679 г. в Комарицкой волости.

Одновременно наличие штата строевых инструкторов и запасов снаряжения запустило процесс модернизации старых «служб». В первую очередь, он коснулся традиционной основы армии – дворян и детей боярских, а также служилых татар и иноземцев. Рядом мер 1630-х – 1640-х гг. в сотнях поместной конницы был внедрен, по сути, рейтарский комплекс вооружения, состоящий из карабина и пистолетов. Эта реформа логичным образом завершилась переводом большей части помещиков в состав полков «нового строя». Кроме того, стрельцы стали постепенно перевооружаться по стандартам солдатской службы, в первую очередь, московские, а затем городовые из западных гарнизонов. Для них этот процесс в целом завершился уже к 1654 году. Даже в Тобольске значительная часть сибирских ратных людей в 1659 г. была зачислена в рейтарский и солдатский полки, созданные по тому же штату, что и остальные (московские).

Активное освоение ратными людьми новых «премудростей» европейской тактики поставило вопрос о создании национального офицерского корпуса. Этот вопрос приобрел острый социальный

характер в эпоху волнений конца Смоленской войны (челобитная Бутурлина 1634 г.) и Соляного бунта 1648 г.; неоправданно высокие денежные выплаты иноземным офицерам и местническое бесчестие от подчинения им будили бурное недовольство в среде служилого дворянства. Правительство царя Алексея Михайловича пошло на беспрецедентный шаг даже по европейским меркам: в 1649 г. было создано офицерское строевое училище численностью до 2000 человек; в качестве рейтар полка Исаака Фанбуковена эти дворяне пять лет осваивали «премудрости» как конного, так и пешего ратного строя. В 1654 г. в полки было выпущено около 700 русских начальных людей; в дальнейшем производство новых русских офицеров шло либо за счет также прошедших обучение «в рейтарском строе» (до 1653 г.), либо за счет производства урядников из детей боярских и потомственных служилых иноземцев.

Создание массовой армии требовало постоянной заботы об источниках ее комплектования. В этом плане вообще вся история вооруженных сил XVII в. (вплоть до условной границы – введения рекрутской повинности в 1705 году) может рассматриваться, как поиск оптимальных путей пополнения вооруженных сил. Сразу отметим, что даточные – ближайший прообраз рекрутов – никак не считались лучшим вариантом, в первую очередь по качеству людского «материала». На первом месте были служилые люди «по отечеству» и «по прибору» и их родственники. Члены семей «приборных» служилых, а также посадского и прочего тяглого населения составляли условную прослойку «вольных гулящих людей» – не менее предпочтительный контингент для массовых наборов. Прибор же даточных с владений светских и церковных землевладельцев оставался крайней мерой, а служба их чаще всего была временной с весьма ограниченным сроком. Правительство ни в коей мере не желало снижать налогооблагаемую базу, что неизбежно следовало в случае призыва в армию крепостных крестьян. Именно поэтому вплоть до петровских времен они не воспринимались как потенциальная основа массовой армии. Кстати, категория «гулящих людей» на протяжении века законодательно трансформировалась: если в 1654 г. это были большей частью «подсуседники и захребетники» с посадских дворов, то в 1695 – 1700 гг. – уже в основном помещичьи дворовые люди или церковные служки, добровольно пожелавшие поступить на государеву службу.

Забота о финансах страны даже привела к такому решению, как обратный перевод в тяглое состояние военнообязанного населения – несмотря на его немалый боевой опыт. И если комарицкие драгуны и заонежские солдаты просто вернулись в прежний статус дворцовых и черносошных крестьян, то для ратных людей Белгородского разряда (1700 г.) пришлось впоследствии придумать новый статус – «однодворцев». Впрочем, на фоне строжайшего запрета на прием в армию бывших московских стрельцов (в 1699 – 1702 гг.), по

политическим причинам, эта реформа представляется вполне продуманной и экономически оправданной.

Смутное время характеризовалось еще и глубоким идейным кризисом русского общества. Выход из него был найден в укреплении традиционной идеологии – верности династии, строгом соблюдении православных канонov. Любой намек на самозванчество или «умысел» против царской семьи преследовался и жестоко карался («слово и дело государево»). Строительство новой армии также сопровождалось ломкой привычных сословных структур и повышенным влиянием иноземных обычаев. Это потребовало особых усилий по превращению простой вооруженной массы людей в жизнеспособные и мотивированные к службе, дисциплинированные военные организмы. Среди отдельных сюжетов данной проблематики можно упомянуть вопросы надежности и верности иностранных военных специалистов и простых наемников, создание национального офицерского корпуса и частей «нового строя» исключительно из русских ратных людей (выборные полки и др.), усиление дисциплинарных карательных мер в действующей армии и развитие системы поощрения за службу рядовых и начальных людей. Освоение новых способов боя и европейских организационных структур повлекло за собой активное внедрение в частях западного военного церемониала, что достигнет своего апогея уже в петровскую эпоху. Особняком здесь стоит процесс включения в отечественную военно-служилую систему «присяжной» шляхты великого княжества Литовского и украинской казацкой старшины. По сути, провозглашение России «империей» в европейском значении только обозначило глубинные процессы трансформации государственной идеологии, которые начались еще в середине XVII в.

Освоение новых тактических приемов и перевооружение армии на протяжении столетия проходило этапы точного и качественного копирования добротных европейских образцов, а затем их адаптации к отечественным реалиям. Здесь удивляет скорость, с какой правительство переходило от одного этапа к другому. Так, в Смоленскую войну вступили полки, устроенные по классике второго или третьего этапа Тридцатилетней войны, а уже в 1639 – 1647 гг. происходит решительное переосмысление полученных знаний и опыта. Из всех уже освоенных типов подразделений выбирается драгунский вариант, да еще и приспособленный к конной патрульной службе – что было крайне необходимо на южных границах. После походов 1654 – 1656 гг. следует отказ от возрожденных было мушкетерско-пикинерных «баталий» в пользу чисто огнестрельной пехоты, защищенной от вражеской конницы рогатками и бердышами. Артиллерийский осадный парк в 1632 - 1634 и 1654 - 1656 гг. устраивается по новейшим европейским образцам, однако знакомство с фортификациями на восточноевропейском ТВД ведет к отказу от применения стенобитного «наряда» в пользу мортир и гаубиц с

большим разнообразием взрывных боеприпасов и прочих пиротехнических средств (вплоть до ракет). Кульминацией этого процесса можно считать юношеское увлечение царя Петра Алексеевича, который видел в подобной артиллерии панацею для взятия вражеских укреплений, а сам себя зачислил в рядовые Бомбардиры целой бомбардирской роты своей будущей лейб-гвардии. Следует отметить, что в таких нововведениях, как переход к кремневым замкам (с конца 1670-х гг.), учреждение гренадерских отрядов, внедрение багинета, развитие полковой артиллерии русская военная машина шла в русле общеевропейских тенденций, без сколь-нибудь заметного отставания от передовых европейских армий. Вместе с тем, в Сибири военная практика завершила процесс адаптации полков «нового строя» их полным упразднением: сначала рейтары и солдаты, а затем драгуны продолжали сражаться с кочевниками теми же способами, что и прочие ратные люди, а их стандартное жалование (по нормам европейской России) оказалось неоправданно высоким на фоне прочих категорий сибирских ратных людей.

К разряду вечных проблем военной истории относится вопрос об эффективном выявлении и выдвижении на командные должности талантливых полководцев и прочих военных чиновников. В первой половине XVII в. даже явные полководческие таланты нередко отступали на второй план по причинам невоенного характера (близость ко Двору или разным придворным партиям, местническое соперничество, доверие ратных людей и др.). Царь Алексей Михайлович последовательно стал выстраивать целую систему различных воеводских назначений, которая позволяла регулярно выдвигать зарекомендовавших себя военачальников на командные посты – и напротив, решительно смещать бездарных. Таких воевод, как кн. С. Р. Пожарский или кн. Ю. Н. Барятинский, несмотря на их изначально невысокий местнический «вес» и стольничий чин, он не стеснялся ставить во главе крупных соединений. Первыми же начальниками воеводских полков новообразованных Белгородского и Новгородского разрядов он поставил не просто знатных, но зарекомендовавших себя в боях молодых полководцев кн. Г. Г. Ромодановского, М. В. Шереметева и пришедшего ему на смену кн. И. А. Хованского. Организация этих постоянно действующих округов (разрядов), а затем появление генеральских должностей для русских начальных людей создает новые социальные «лифты», параллельные традиционной придворной службе; то же самое, несомненно, относится и к службе в полках «нового строя». Кадровая политика Тишайшего в полководческой сфере представляется весьма удачной и продуманной, особенно на фоне его младшего сына – который поначалу выдвигал на ведущие позиции в армии далеко не лучших специалистов.

В целом же, семнадцатое столетие в русской военной истории является весьма важным и интересным этапом развития вооруженных

сил – этапом перехода от армии централизованного государства к массовой армии европейского типа, с широким спектром проблем, противоречий, успехов и неудач, характерных для большинства армий Западной Европы периода знаменитой «пороховой» или «военной» революции Раннего Нового времени.

Об авторе

Олег Александрович Курбатов — кандидат исторических наук, сотрудник Российского архива древних актов, член военно-исторических клубов: «Второй московский выборный полк» (КИР «Бутырская слобода»), «Лейб-гвардии Измайловский полк».

About the author

Oleg Kurbatov — PhD, is scientific employee of Russian State Archive of Ancient Documents.

Received June 30, 2021

Accepted August 5, 2021

Published October 29, 2021